

Книга,
о которой
говорят

ТЕЛЕФОННЫЙ ПРОВОД ДЛИННОЮ В ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В НОЯБРЕ Венгрия празднует 80-летний юбилей своего любимого писателя, трижды лауреата Литературной премии имени Кшута Дюлы Ййеша. Произведения его, переведенные на многие языки мира, хорошо известны и советскому читателю, высоко оценившему роман-эссе Ййеша «В ладье Харона», книгу «Шандор Петёфи», повести «Рукопожатия», «Обед в замке» и другие его работы, драмы, поэмы и публицистику.

Непревзойденный стилист, владеющий всем богатством народного языка, блестящий бытописатель, в чьих произведениях, как в правдивом зеркале, отражена жизнь всех слоев венгерского общества, Дюла Ййеш ищет ответы на те насущные вопросы, которые сама история ставила и продолжает ставить перед его страной и народом. И не случайно во время одной из своих встреч с писателями руководитель венгерских коммунистов Янош Кадар сказал: «Когда я вижу Ййеша, мне всегда приходят на ум дела нации...»

Мастерство Ййеша с особой силой воплотилось в его новом произведении «Пажи Беатриче», признанном лучшей книгой десятилетия.

Жанр книги определяют по-разному: роман верности родине, роман исторического поворота. Роман, в котором история проходит через сердце и становится судьбой человека.

Видимо, все эти определения верны. Ййеш создал подлинно новаторскую книгу, где сюжетное развитие событий переслаено экскурса-

ми в историю, философски-ми отступлениями.

Действие романа разворачивается в самые трагические для Венгрии дни. Под натиском интервентов пала провозглашенная 21 марта 1919 года и просуществовав-

щества, до тех пор носившего мое имя и имевшего мою метрику, но диалог с ним вести бы не смог. У меня не было к нему телефонного провода».

В романе «Пажи Беатриче» повествование идет от первого лица. Мы видим гимназиста Ййеша в школе и у ворот тюрьмы — он доставляет передачи политзаключенным. Оказываемся вместе с ним в зале суда, где идет процесс над ними, и на каторге, куда юный подпольщик добирался окольными путями навещать комиссара Варьяша. Сочувственно следит читатель за пареньком, который заходит в дома, где живут семьи заключенных, и вручив им деньги от имени «Красной помощи», спешит побыстрее скрыться. Встречаем мы его и в доме, где он впервые видит девушку, сестру приговоренного к виселице матроса, — свою Беатриче, которая так никогда и не узнала, что образ ее долгие годы будет сопровождать юного подпольщика...

«Люди, взявшие на себя историческую миссию подвига, — тоже люди. И беда, если мы, литераторы, не сумеем понять это и показать. Был период, когда мы обещали человечеству историю героев. Я хотел бы «очеловечить» ее. Не отказываясь от изображения величия поступков, мы обязаны показывать героя просто человеком. Это не дегероизация. Чем человечнее герой, тем величественнее его подвиг. Великий герой — тот, кто при всех человеческих слабостях выполняет свой долг».

Эти слова Дюлы Ййеша помогают нам лучше понять его новую книгу, с первой главой которой, публикуемой в сокращении, мы знакомим сегодня читателей.

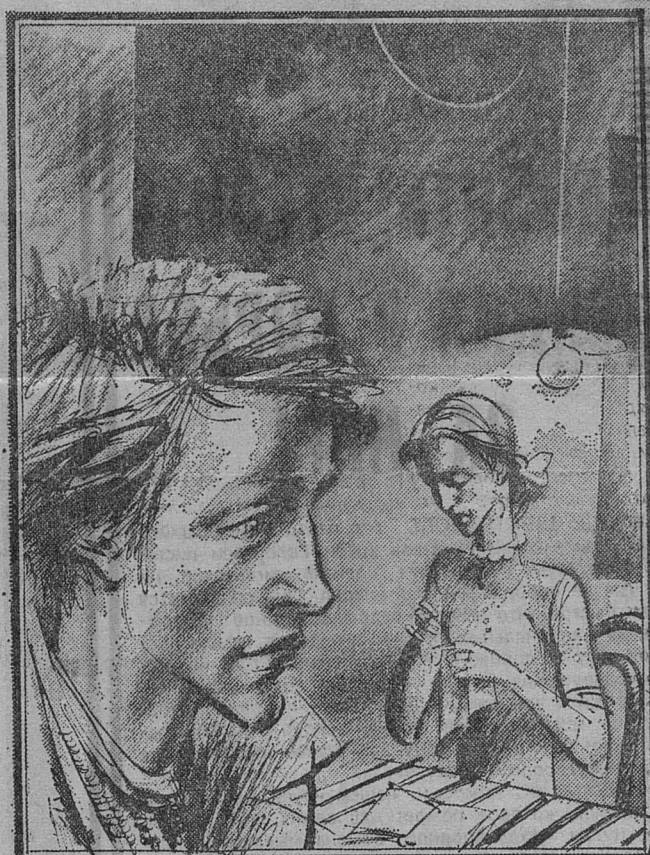

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

Дюла ЙЙЕШ

ЛУЧ СВЕТА В СУМЕРКАХ

— ДЕНЬГИ у тебя есть? Деньги у меня были. В Будапеште выйти из дому без денег было бы все равно, что без носового платка, о чем, кстати, постоянно напоминала мне мать (в юности у меня частенько шла кровь из носа), или без перочинного ножа, которым можно было на ходу остругать пруттик, отрезать ломтик хлеба, колбасы или еще чего-нибудь. Почтительно, но с опаской я поглядывал тогда на огромные окна трамваев. Что со мной будет, если я нечаянно локтем высажу стекло и не сумею тут же заплатить штраф?... И я старался иметь при себе сумму, которой хватило бы на оплату одного разбитого трамвайного окна, что, правда, не всегда удавалось.

Эта сумма, аккуратно завернутая в бумагу, лежала у меня в кармане в тощем кошельке.

И я утвердительно кивнул головой со спокойствием состоятельного человека. Я даже назвал сумму, лежавшую в кармане.

— Дело в том, что мы хотим доверить тебе деньги, из которых нельзя взять ни филлера. Даже займы, на минуту.

От дальнейших слов, которые я услышал, я остолбенел.

— Притом мы доверяем их тебе неподсчитанными.

«Мы доверяем»? Без ссылки на конкретных людей, тем более знакомых. Все это казалось непонятным.

Разговор наш происходил в прихожей адвокатской конторы Эде Хебелта. Человека, который тогда со мной заговорил, я хорошо запомнил, хотя и не узнал его имени. Для меня он так и остался — «Не важно», поскольку при первом рукопожатии он невнятно назвал свою фамилию, а когда я переспросил его, ответил: «Не важно».

Очевидно, он больше знал обо мне, чем я о нем. Ему было известно, что я учусь в гимназии, готовлюсь к получению аттестата зрелости. Знал он и о том, что я носил передачи в тюрьму на улице Марко. Знал также, что я был в полицейском управлении, разыскивая следы комиссара Шандора Варьяша.

Вот так в набитой народом адвокатской прихожей начался недолгий, к сожалению, но счастливый период моей жизни.

Мне был вручен портфель, туго набитый пачками бумажных банкнот. Конечно, они только с виду могли показаться целым состоянием — бушевала инфляция, деньги были обесценены. В портфеле лежал также лист с фамилиями и адресами. Я должен был выучить наизусть пять-шесть из них, затем спрятать список. Возле фамилий не были обозначены суммы, которые необходимо было вручить, а стояли только римские цифры — I, II, III, IV, V. Я должен был сам определить степень нужды семьи и оставить деньги на покупку десяти, двадцати, тридцати, сорока или пятидесяти килограммов муки или картошки, и продавать это быстро, не попадаясь на глаза соседям и не привлекая ничьего внимания.

Дело это показалось мне нетрудным. Я уже побывал во многих квартирах пролетариев, где прямо во двор выходили крытые коридоры с дверями. Оттуда я попадал в кухни и сразу, поглядывая по сторонам, по запаху определял, что было здесь на обед. Расспрашивать о чем-то подробно не всегда представлялось возможным, не все были готовы отнестись ко мне с доверием. К тому же каким образом у них на глазах отсчитывать нужную сумму?

Из этой ситуации я вышел довольно просто — заранее в разных карманах помещал разные суммы. И вручал то одну, то другую. А оказавшись у двери, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть торжественно: «Рабочий класс не оставит своих сыновей в беде! Международная солидарность жива, наше дело восторжествоует!»

После первых же визитов я набрался некоторого опыта и понял, что они отнюдь не безопасны...

В тот сумрачный вечер я шел пешком по одному из самых непривлекательных районов Будапешта. За грязной кирпичной стеной тянулось кладбище. Стена была заклеена плакатами, проклаивавшими и поносящими революцию.

Затем начался железнодорожный поселок с дешевыми стандартными домами. Ямы с мокрой грязью, тусклые фонари... В правый карман куртки я заранее положил банкнот больше, чем, согласно римской цифре, полагалось самым бедным. Дом снаружи был тоже отталкивающим. Но в прихожей, служившей одновременно и кухней, стоял приятный запах. Чистые полотняные полотенца. Чисто вымытая посуда.

У кухонного стола, покрытого клеенчатой скатертью, сидела

девушка-подросток и при свете висевшей над столом на длинном проводе лампы что-то читала и одновременно шила, что удивило меня и в то же время привело в восторг.

В доме не было взрослых — ни мужчин, ни женщин. Но ее отец должен был скоро прийти.

— Могу я его подождать?

— Пожалуйста, садитесь.

На плите тушились овощи. Продолжая шить и читать, девушка следила за кастрюлей. Она то снимала ложкой пену, то мешала деревянной ложкой молочную кашу для ребенка в другой кастрюле.

Из комнаты послышался детский голосок. Взяв кастрюлю с кашей, девушка быстро ушла в комнату. И, вернувшись, опять принялась читать и шить, стараясь наверстать потерянные минуты. Я же вынул толстый том — дешевое издание «Потерянного раба» Мильтона.

Не глядя друг на друга, мы читали четверть часа. Все же за это время я сумел получше разглядеть ее. Ей могло быть лет четырнадцать.

Наконец без стука открылась стеклянная дверь, и появился отец семейства. Он подозрительно взглянул на меня и, услышав, что я пришел по делу его сына, велел дочери выйти. Я решил, что больше не увижу ее (передав деньги, я должен был сразу удалиться), и, молча поклонившись, бросил на нее долгий взгляд, надеясь получить ответный. Девушка ответила мне поклоном и медлила уходить. Очевидно, ей хотелось узнать что-нибудь о брате.

Опыт подсказывал — медлить не следует и говорить надо поменьше. Но я успел только произнести, что действую от лица тех, кто хочет помочь его сыну, как мужчина перебил меня:

— Ничего не надо!

— Судьба вашего сына тревожит не только вас...

— Кто вы такой? Какое вам дело до тюремного отребья?

закричал он.

Я попробовал сказать, что не считаю его сына виновным, хотя тот и в тюрьме.

— Вон отсюда! — завопил он.

Я старался понять, что тут произошло. Почему девушка кормит малыша и ведет хозяйство? А мать ребенка? Она тоже в тюрьме?..

Я пытался что-то произнести. Он кричал еще громче и двинулся ко мне, пригрозив искалечить, если я не уйду.

Молча вернулась девушка, и я подумал, что сейчас его ненависть обрушится на нее. Но горло у него перехватило, он замолчал, а потом страшным свистящим шепотом проговорил:

— Что тебе?

Я думал, что она побоялась пройти мимо отца. Она не побоялась и села к столу, посмотрев на меня с теплотой. Чувствовалось, что она любила брата.

— Нехорошо оставлять человека в беде! — вырвалось у меня неожиданно.

Но взглянув на мужчину, я почувствовал, что коренастый жилистый человек сейчас бросится на меня. Я медленно двинулся по лестнице к выходу. Мне было страшно, но я не побоялся, чувствуя, что внутри меня происходит что-то очень важное. Пока я спускался, мое возбуждение и досада, что я не мог высказать все, что мне хотелось и нужно было высказать, улеглись. Спустившись, я остановился и радостно улыбнулся. Я был уверен, что снова увижусь с девушкой — ведь нас уже многое объединяло.

Я шел к площади Телеки мимо полуразрушенных лагун, мимо кладбища Керепеши, где лежали останки Вёршмари. С сумасшедшим визгом пронеслись трамваи, рядом по тротуару ковыляли нищие с самых отдаленных окраин города. А я радуясь, что нашел наконец то человеческое существо, которое будет рядом со мной всю жизнь...

Перевели с венгерского
В. ЛИПШАЙ и Н. РАКОВСКАЯ